

ВАРВАРА
АНДРЕЕВСКАЯ

СТЕРПИТСЯ-
СЛЮБИТСЯ!

RUGRAM

Москва

2 0 2 2

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А65

Андреевская В.

А65 Стерпится-слюбится! / В. Андреевская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 94 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

Стерпится - Слюбится!

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

ДЛЯ

ЮНОШЕСТВА.

В. П. Андреевской.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Спб. акц. общ. печ. дѣла. Е. Евдокимовъ. Троицкая, 18.

1900.

I.

Нежданный гость.

На дворѣ стояло пасмурное, осеннее утро; небо было покрыто густыми облаками, которыя, то выдѣляясь изъ общей массы, неслись впередъ, въ видѣ замысловатыхъ, неопредѣленныхъ формъ, то снова громоздились вмѣстѣ, представляя длинную вереницу гигантскихъ, серебристыхъ, горъ.

Въ воздухѣ чувствовалась прохлада, на деревьяхъ висѣли пожелтѣлые листья, которые при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра съ шелестомъ падали на землю, точно будто чья-то невидимая рука съ досадою схватывала и размельчала ихъ... Все кругомъ глохло, пустѣло, теряло яркіе цвѣта, и облекалось въ будничную одежду осени... Только хорошенькое личико боярышни Ириши Мухановой, по прежнему, выглядѣло веселымъ; пухленькія щечки ея были покрыты яркимъ румянцемъ, глаза горѣли, словно раскаленные уголья... Вся она дышала счастьемъ, здоровьемъ. Проворно спустившись съ тесоваго крылечка боярскихъ хоромъ отцовскаго дома, Ириша вышла на широкій дворъ, обнесенный такимъ же тесовымъ забо-

ромъ, вдоль котораго возвышался рядъ старинныхъ, развѣсистыхъ дубовъ, сбросила фату, составлявшую въ ту отдаленную эпоху, одну изъ главныхъ принадлежностей женскаго туалета, и принялась, въ сопровожденіи мамушки Аграфены, палкою разрывать сухіе листья, отыскивая между ними свалившіеся за ночь желуды.

— Смотрика-ка, Игнатьевна, обратилась она къ старушкѣ,—сколько набрали желудей почитай, безъ малаго сотня будетъ!—И, опустившись на скамейку, дѣвушка стала осторожно вытряхать ихъ.

Няня подошла ближе, съ любовью взглянула на свою питомицу и, молча, покачала сѣдой головой. Дѣвушка хотѣла еще что-то сказать, но въ эту самую минуту за заборомъ по дорогѣ раздался конскій топотъ и затѣмъ на дворъ вѣхали два всадника; одинъ изъ нихъ, очевидно, былъ бояринъ, судя по его роскошному кафтану, а другой, по всей вѣроятности, принадлежалъ къ разряду холоповъ.

Появленіе ихъ было до того неожиданно, что Ириша, не успѣвъ покрыться фатою, невольно вскрикнула и прижалась къ нянѣ.

— Прости, боярышня, коли напугалъ тебя, извинился незнакомецъ, ловко соскочивъ съ лошади и передавая поводья тоже успѣвшему уже спѣшиться товарищу,—но мнѣ сказали, что здѣсь живетъ бояринъ Антонъ Никаноровичъ Мухановъ, къ которому я пріѣхалъ по дѣлу.

Говоря это, молодой человѣкъ не сводилъ глазъ съ

боярышни, а она—въ первую минуту хотѣла было накрыться фатой, поданной Игнатьевной, но потомъ, машинально опустивъ руки, въ свою очередь, засмотрѣлась на неожиданнаго посѣтителя. Столько жизни, энергіи, выразалось въ красивомъ лицѣ юноши, столько чего-то теплаго, задумчиваго сказывалось въ прекрасныхъ глазахъ его, что дѣвушка съ первой встрѣчи почувствовала къ нему особенное влеченіе.

Чѣмъ дольше вглядывалась она въ черты незнакомца, тѣмъ явственнѣе начинала припоминать, что гдѣ то, когда-то видѣла его, но когда это именно было, при какихъ обстоятельствахъ, никакъ не могла дать себѣ отчета.

Изъ-за угла, между тѣмъ, показался конюхъ; онъ знакомъ пригласилъ слугу всадника слѣдовать за нимъ, а Игнатьевна, со своей стороны, поспѣшила проводить молодого боярина въ хоромы.

Пришлѣ сильно хотѣлось заговорить съ нечаяннымъ гостемъ, но строгій взглядъ няни остановилъ ее: «непристойно, молъ, боярышня вести рѣчь съ незнакомымъ мужчиной» — выражалъ этотъ взглядъ.

Слова замерли на губахъ красавицы; она ограничилась безмолвнымъ поклономъ, долго провожала глазами статную фигуру гостя, и когда онъ, наконецъ, скрылся изъ виду, снова мысленно задала себѣ вопросъ: «во снѣ или на яву видала его раньше?»

Онъ же этимъ временемъ, пройдя черезъ переднюю, гдѣ толпилось нѣсколько человѣкъ холопей всевозможна-

го возраста, вошелъ въ довольно большую комнату и, набожно перекрестившись передъ висѣвшимъ въ углу образомъ, низко поклонился хозяину.

— Добро пожаловать, отозвался послѣдній, со вниманіемъ разглядывая юношу, — черты лица твоего мнѣ удивительно знакомы, но только никакъ не могу сообразить, гдѣ мы съ тобой встрѣчались.

— Меня, бояринъ, ты едва-ли можешь помнить, потому что видѣлъ еще маленькимъ, но съ отцомъ моимъ былъ хорошій пріятель.

— А какъ его имя?

— Иванъ Петровичъ Матвѣевъ.

— Ивана-то Петровича... Ванюшу Матвѣева, какъ не помнить, помню отлично. Господи, да неужели ты тотъ курчавый мальчуганъ-повѣса, который лѣтъ двѣнадцать тому назадъ пріѣзжалъ въ Москву съ отцомъ, на побывку, и игрывалъ здѣсь, въ этихъ самыхъ комнатахъ, съ моею Аришей?

— Да, бояринъ, совершенно вѣрно.

Антонъ Никаноровичъ крѣпко обнялъ молодого человека, посадилъ рядомъ съ собою на лавку и началъ разспрашивать о разныхъ разностяхъ.

Юрій Ивановичъ, такъ звали юношу, подробно рассказалъ ему, какимъ образомъ, оставшись круглымъ сиротою, все время жилъ съ бабушкою въ Новгородѣ, а теперь, нѣсколько недѣль тому назадъ, похоронивъ и ее, рѣшился пробраться въ Москву, чтобы попытаться счастья попасть въ ряды царскаго войска.

— Вспомнилъ я про тебя, бояринъ, сказалъ Юрій въ заключеніе,—и по старой памяти рѣшился обратиться съ просьбой помочь мнѣ совѣтомъ, какъ легче приняться за дѣло.

— Отъ души радъ быть полезнымъ, отозвался старикъ, вторично цѣлуя Юрія,—посоветовать могу; на содѣйствіе же не рассчитывай, самъ я птица не важная и залетать въ царскіе хоромы не часто приходится, но тѣмъ не менѣе, при первомъ удобномъ случаѣ, словечко всетаки замолвлю: ты, вѣдь, у насъ погостишь надѣюсь?

— До вечера, коли позволишь, останусь.

— А затѣмъ куда? Опять въ Новгородъ?

— Нѣтъ; я пробираюсь въ село Покровское, которое отсюда находится, говорятъ, верстахъ въ девяти; тамъ у меня отецъ крестный; узнавъ, что я теперь одинъ одиношенекъ на бѣломъ свѣтѣ, онъ приглашаетъ меня перебраться къ нему и пожить до тѣхъ поръ, пока попаду на службу, такъ какъ Москва отсюда не далеко.

— Вѣрно; ну, такъ, значить, и отлично; видаться будемъ часто; а теперь я все-таки не отпущу тебя раньше, какъ денька черезъ два. Эй! Кто тамъ?! крикнулъ онъ прислугѣ, и когда на зовъ его явился одинъ изъ холоповъ, приказалъ немедленно накрывать столъ и попросить придти боярыню.

По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, въ свѣтлицу вошла супруга Антона Никаноровича Анна Григорьевна, одѣтая въ парчевый сарафанъ и ватную душегрѣйку.

— Смотри-ка, Аннушка, какого неожиданнаго гостя

Богъ прислалъ, обратился бояринъ къ своей дражайшей половинѣ, какъ только она показалась на порогѣ.

Боярыня, съ подобострастною улыбкою, переводила взоръ на мужа и на гостя, а затѣмъ обратно; это была замѣчательно добрая женщина, но, находясь въ полной зависимости отъ супруга, она не имѣла ни малѣйшаго права голоса и безпрекословно подчинялась волѣ своего владыки, словомъ, скорѣе походила на автомата, чѣмъ на здравомыслящее существо.

— Чего глаза-то выпучила? Не узнала, что-ли? спросилъ Антонъ Никаноровичъ.

— Да и впрямь, Антонъ Никаноровичъ, сразу признать не могу, а лицо, кажись, знакомое... Ахъ, батюшки, отцы родные! добавила она черезъ нѣсколько минутъ, — вѣдь это Юша Матвѣевъ! — и, широко раскрывъ объятія, принялась цѣловать молодого человѣка.

Снова пошли разговоры, спросы, разспросы; наконецъ, когда перебрали всѣхъ дядюшекъ, тетюшекъ, близкихъ и далекихъ родственниковъ, Мухановъ напомнилъ, что «соловья баснями не кормятъ», и всѣ отправились въ сосѣднюю горницу обѣдать.

— Пускай Ириша выйдетъ къ столу, обратился онъ къ женѣ, — это вѣдь старый знакомый, они вмѣстѣ игравали, когда были дѣтьми, — стѣсняться нечего.

Боярыня отправилась немедленно исполнить приказаніе мужа и черезъ нѣсколько времени снова вернулась въ сопровожденіи дочери, которая застѣнчиво поклонилась гостю.